

*Е.В. Яковлева
пос. Бежаницы*

ЛИЧНОСТЬ ВЛАДИМИРА ДМИТРИЕВИЧА ФИЛОСΟΦОВА

*Портрет
В.Д. Filosofova.
Фотография*

Данная работа базируется на сведениях, полученных из «Сборника памяти Анны Павловны Filosofovoy» А.В. Тырковой (Пг., 1915).

«Семья, где родился и вырос Владимир Дмитриевич Filosofov: во главе рода крепко держась за свою власть, стоял цельный и своеобразный представитель крепостной России, Дмитрий Николаевич Filosofov, отец Владимира»¹.

«Дмитрий Николаевич был женат дважды. Первый раз, совсем молодым, он женился на красавице А.Н. Чихачевой. Она родила ему двоих сыновей, Николая и Александра, и вскоре умерла.

Второй раз он женился на Марии Матвеевне Рокотовой, по 1 – ому мужу Неклюдовой, которая родила сына Владимира»².

Но вернемся к Тырковой.

«Младший сын Дмитрия Николаевича, Владимир, уродился не в отца. Анна Павловна в своих заметках с гордостью приводит мнение о Владимире Дмитриевиче его одноклассников по училищу правоведения: «Ваш муж такой человек, который может свою жизненную книгу всегда оставлять открытою, всякий может ее прочесть, ему нечего бояться постороннего глаза. Так он нравственно чист». Судя по многочисленным отзывам и воспоминаниям, это характеристика справедливая»³.

В этой связи примечательны слова Елены Валериановны Дягилевой, относящиеся к Владимиру Дмитриевичу Философову / из книги «Семейная записка о Дягилевых», СПб – Пермь, 1998г./: «...за Владимира Дмитриевича Философова, одного из лучших людей на свете».

Из воспоминаний Владимира Дмитриевича: « Я начинаю себя помнить с пяти лет. Мы жили в Богдановском. Прошел слух о проезде императора Александра I, который должен был иметь ночлег в Ашево /20 верст от Бежаниц/. Отец и мать поехали туда, взяв меня с собой...»⁴

«До 9 лет мальчика ничему не учили, и читать он научился сам, по театральным афишам. Гувернер, француз Дебосс, преподавал детям алгебру, геометрию, историю, географию... Все эти предметы, не исключая и математики, долбили наизусть, но и то не весьма прилежно, так как сам Дебосс, страстный садовод, проводил больше времени в саду, нежели в классе, и «мы в это время изучали французские романы, которых всегда было много в отцовской библиотеке...»⁵.

Затем мальчик был определен в престижное училище правоведения. «Что дало мне училище? Какое счастье может принести мне пребывание в училище? Дома я начинал уже чрезвычайно облениваться, ум глупел, чувства грубели, мне необходимо было какое-нибудь движение, которое расшевелило бы эту жизнь, которая начинала уже плесневеть, как стоячая вода в пруду. К тому же бездействие было вредно не только со стороны нравственной, но и физической. Я чувствовал, что здоровье мое слабеет. Окруженный родителями, меня баловавшими, занимаясь весьма плохо, я привык позволять чувствам своим брать перевес над рассудительностью. Вступив в училище, я, покоренный обстоятельствами, принужден был переломить упрямый характер и направить свои силы к умственной деятельности. Страсти умолкли под влиянием педагогической дисциплины, которая была у нас, ум образовывался, и чувства облагородились».⁶

Так писал он в дневнике, куда тайком заносил все свои школьные волнения, огорчения и надежды. На первой странице дневни-

ка стоит: «Великий Боже, дай сил исправиться. Дай, Боже, мне хорошенько учиться, дай, Боже, чтобы надо мной не смеялись и я над другими не смеялся, дай, Боже, мне хорошенько вести себя, подари меня, Боже, духом стихотворства и авторства. Дай, Боже, мне по праздникам ходить домой и на каникулы ездить в деревню. Дай, Боже, мне хорошенько заснуть, не видать никакого сна и проспять до света. Господи, помилуй меня. Прими меня в свой рай и прости мне мои прегрешения, наставь меня на путь добродетели. Избавь меня от болезни /2 мая 1838 год/».⁷

Не о чиновничьей карьере мечтал тогда молодой правовед. Его тянет к литературе. Он писал стихи с неизбежным для того времени отпечатком мрачного романтизма и разочарованности. Эта модная мрачность не мешала юноше с удовольствием описывать мелкие училищные проказы и мальчишеские хитрости, при помощи которых вечно голодные правоведы, обманывая бдительность начальства, раздобывали себе выборгские булки и бутерброды с икрой. А также волноваться и кипеть из-за постоянных «препеносных» училищных стеснений.

«С нетерпением ждал он праздников, хотя дома мало было отрадного. Мать была печальная и бессильная. Отец пропадал в клубе, проигрывая в карты такие суммы, что не раз над его именами висели торги. Сын с огорчением, но, воздерживаясь от всякого осуждения, записывал это в свою тетрадь. От матери унаследовал он ее мягкость, ее умение прощать и любить. В дневнике о ней говорится нежнее и интимнее, чем об отце. Шла она рядом с детьми тихо и неслышно, согревая их любовью, но слишком слабая и смутная, чтобы глубже овладеть их думами, их внутренними переживаниями».⁸ Ее смерть глубоко опечалила и потрясла юношу. Владимиру исполнилось только 20 лет.

«Мрачность поддерживала в нем и «темница», как называли училище Владимир Философов и его товарищи. К лекциям они относились, как к скучнейшей повинности. Нет ни одного профессора, о котором Философов упоминал бы с удовольствием или с интересом. Зато книги были его верными друзьями. Правоведы пользовались в чтении полной свободой. Философов читает «Со-

временник», «Библиотеку для чтения», «Отечественные записки», Шекспира и Виктора Гюго, «Дон-Кихота» и Руссо, не говоря уже о Пушкине, Жуковском и Карамзине. Вот то духовное общество, среди которого развивалась внутренняя жизнь мечтательного, прекрасногодушного юноши. Даже лермонтовский «Демон» в одном из рукописных списков уже читался в Правоведении»⁹.

«Влечение к литературе все растет у Философова. Рядом с жалобами на товарищей, которые за его счет едят булки, записывает он в свой дневник: “Не умею хранить деньги, весь в папеньку. Да не в деньгах счастье. В чем же оно состоит? По моему мнению:

1. Уютный, теплый уголок, убранный со вкусом;
2. отборная библиотека, вкусный стол, стакан хорошего вина, хороший курительный табак и
3. вечером театр, а в довершении всего: Слава! Слава! Да! Слава!”»¹⁰

Но каким путем идти? К чему приложить крепнущие силы? Литературная карьера, о которой так сладко мечталось поэтически настроенному юноше, и манила к себе, и отталкивала. Судьба Лермонтова и Пушкина была всем известна.

«Итак, прощайте мои мечты о литературной славе. Чиновническая записка, определение, ремарка, указ, рапорт. Вот все, что вертится теперь в голове и что, вероятно, проводит меня в могилу»¹¹.

В январе 1843 года Владимир Философов под руководством И.Н. Толстого едет в Сибирь с целью ревизии Восточной Сибири.

«Во время этой командировки В. Философов вел очень интересный дневник, полный наблюдательности и вдумчивости /Тыркова делает сноску: «Дневник этот предполагается со времени опубликовать полностью»/. Многие записи лишней раз указывают на преемственность, которая шла от декабристов, медленно угасавших по сибирским дебрям, к следующему поколению честных русских людей»¹².

«Поездка в Сибирь имела на молодого человека очень большое влияние. После скучной замкнутости закрытой школы и не

менее скучной и далекой от действительности сенатской канцелярии, он окунулся в самую подлинную жизнь и мог лично, по ходу своей работы, присмотреться к разным ее сторонам. Экономика и нравы, правовое положение и народное хозяйство, крестьяне и приказные, купцы и каторжники, важные чиновники и государственные преступники – все и всех может он наблюдать, изучать, а иногда и у них учиться»¹³.

«Глубоко и неизгладимо вошли в его душу честность, чувство долга, любовь к людям, и это спасает его от отупения, от очерствения, свойственного бюрократам, а тем паче заслуженным»¹⁴.

Из дневника, а также из переписки с отцом видно, что Владимир Философов сумел сохранить целомудренную, горделивую сдержанность и стыдливость.

Владимира Философова охраняла не только собственная гордость, но и красивая, романтическая влюбленность в одну из самых даровитых и очаровательных русских актрис. Как раз в то время, когда Владимир Философов был правоведом, на сцене Александринского театра блистала новая, слишком быстро закатившаяся звезда, молодая, необычайно талантливая актриса В.Н. Асенкова.

Уже много лет спустя после свадьбы, когда В.Д. Философов был далеко не молод, рассказал он жене про свои любовные увлечения.

«Он мне сказал, что любил он только три раза в жизни, – пишет Анна Павловна в своих воспоминаниях. – Первая его любовь была Асенкова, вторая М. Муравьева и третья я».

Ноночке Дягилевой было 18 лет, когда она познакомилась со своим будущим мужем. Он был уже видным чиновником, делавшим карьеру, прослужил в разных департаментах сената обер-прокурором, имел несколько орденов и звание герольдмейстера. Красотой особенной не отличался, и казалось, что нечем ему пленить такое юное, жизнерадостное создание, как эта светлокудрая, синсокая девушка.

«Меня гораздо более занимало, что два глаза на меня смотрели с умилением. В первый раз в жизни на меня обращали внима-

ние. Затем меня все более и более интересовал меня мой будущий муж, и когда он мне, наконец, сказал, что любит меня и просит моей руки, то я с удовольствием на это согласилась и, правду сказать, даже и не знала, что значит любить. Мать моя была против свадьбы, но отец был доволен. И вот нас повенчали. Прожила я 40 лет замужем и благодарю моего СОЗДАТЕЛЯ за каждый день, прожитый с моим дорогим мужем...»¹⁵ Так писала Анна Павловна о своём муже.

«Владимир Дмитриевич мирился со светскими выездами жены, никогда его не занимавшими, с той снисходительной мягкостью, которая составляла одну из главных черт его характера»¹⁶.

«Чиновники, робевшие перед сдержанным, суровым начальником, частенько жалели юную красавицу-генеральшу, уверенные, что он и дома такой же строгий, как на службе. А на самом деле, Владимир Дмитриевич старался согласовать весь строй, весь порядок дома с желаниями и удобствами своей Нюночки.

Сухая канцелярская работа не убила в нём нежности и романтизма, таившихся когда-то в молодом правоведе. Трогательную цельность чувства, беззаветную преданность любимому человеку носил в себе этот деловитый чиновник, уже украшенный знаками отличия. И если позже разность взглядов не раз вставала между мужем и женой, то в первые годы брака счастье было целое и яркое. И когда появились дети, он и на них распространил свою нежную заботливость»¹⁷.

«Владимир Дмитриевич работает в Военном Министерстве, с 1867 года занимая положение Начальника Главного Военного Судного Управления»¹⁸.

«Он был поглощен ответственным и очень увлекшим его делом выработки нового военного и морского судебного устава, не считая других реформ в военном ведомстве, где он был правой рукой Д.А.Милютина. Они вместе добивались отмены телесных наказаний в войсках и вообще старались ввести в армию гуманный дух. Это было не легко, так как большинство влиятельных военных, в особенности в дворцовых кругах, было за сохранение старой суровой дисциплины, опиравшейся на шпицрутены»¹⁹.

«При таких-то обстоятельствах умирал и умер папенька /свёкор/. Очевидно, мужу моему немыслимо было принимать имение и хозяйничать, и вот что он мне сказал: «Ты видишь, схать я не могу, поезжай, я тебе даю карт-бланш, хозяйничай, распоряжайся, как хочешь, ты сама всё говоришь, что хочешь приносить пользу народу, вот тебе широкое поле». — Я поблагодарила и поехала. Поехала полная энергии, вся пропитанная духом 60-х годов»²⁰.

1869 год. «Владимир Дмитриевич в командировке, вводит новые военные суды в Киеве и Харькове. Его служба и суровая карательная сторона военной юстиции, которой он был руководителем, вызывала в Анне Павловне недоумение, недовольство, порой даже протест»²¹.

Владимир Дмитриевич ответил ей очень показательным письмом, вскрывающим его психологию просвещённого чиновника, который тоже служит идеям, а не только кормится и устраивается, чиновника, для которого служба освещается глубоким и искренним чувством долга, сознанием, что он слуга не только государя, но и государства.

«С твоими идеями я не расхожусь, — пишет он, — но всякому своя доля. На мой пай пришлась самая неутешительная сторона общественной деятельности — кара. Я имею на этот счёт специальные сведения, и так как ты все-таки не можешь отвергать необходимость уголовного закона, то нужно же кому-нибудь быть его исполнителем. Насчёт смертной казни... Мы же прибегаем к этой мере в самых крайних случаях и по вопросу, который ты мне сообщала, не далее, как сегодня, докладывается Государю о даровании виновному жизни...»²²

В конце 60-х годов ещё только назревало взаимное недовольство общества и правительства. В конце следующего десятилетия эта противоположность интересов и настроений стала настолько резкой, что вся Россия раскололась пополам, превратилась в арену ожесточённой, хотя и неравной внутренней войны. Но враждебность к некоторым течениям прогрессивной мысли началась тотчас после реформ, и Владимир Дмитриевич с опаской оглядывается на нигилистов, предчувствуя в них авангард грядущих русских социалистов, которых он искренно и слепо возненавидит²³.

Он всё более был поглощенный своими ответственными обязанностями главного военного прокурора и введением новых военных судов. «Все так же сильна была в нем идея долга, так же щепетильна его честность. Но романтичность сменилась суровой трезвостью, и на многое в жизни смотрел он совсем иными глазами, чем его деятельно-восторженная жена. В сущности, два разных мира, две разные России воплощали они в себе. Он – законченный образец честного, просвещённого, искренно преданного родине чиновника. Она – представительница еще нового, общественного, а не бюрократического служения той же родине. И каждый по-своему полезный России»²⁴.

«Размолвки, психологические осложнения, несходство убеждений, с годами все более заметная разница лет, денежные недостатки – словом, все, что в других семьях так легко порождает тяжёлую атмосферу взаимного недоброжелательства и злобы, все это не могло порвать крепкую, истинно дружескую связь между Анной Павловной и Владимиром Дмитриевичем.

«Ты моя нравственная и духовная поддержка, жажду видеть тебя, как жаждет воды путник, заблудившийся в пустыне», – пишет он 4 сентября 1874 года.

И под письмом стоит неизменная подпись: «обожаящий тебя Владимир»²⁵.

Революционное движение росло. 2 апреля 1879 года Александр Соловьев покушался на жизнь самого государя. Анна Павловна должна была покинуть Россию.

«Муж отстаивал меня, сколько мог и получил один ответ: “Я тебе всего не хочу и не могу рассказать. Ради тебя она выслана за границу. А не в Вятку”. Конечно, многое можно было про меня рассказать государю и в таких красках, каких хотело придать III Отделение», – вспоминает А.П. Философова²⁶.

В последних числах ноября 1879, Анна Павловна выехала в Висбаден с двумя дочерьми и младшим сыном Дмитрием.

В это время, как свидетельствуют его письма к жене, Владимир Дмитриевич подчеркивает свое отвращение к крайним элементам. В мае 1880 года он навещает жену за границей. В феврале

1881 г. после письма-просьбы Александру II было получено разрешение вернуться в Россию. События 1 марта тяжело отозвались на обоих Философовых.

«Новое царствование вело за собой и новых людей. Вместо Милютин был назначен военным министром Ванновский, и все «милютинцы» понемногу отстранялись от дел. Они оказались слишком либеральными, в них слишком сильно чувствовалась живая связь с эпохой великих реформ, о которой, при новом государе, старались забыть.

Карьера Владимира Дмитриевича была окончена. После 25-летней службы генерал-прокурором он был назначен в члены Государственного совета. Судя по тому, что как-то в разговоре с детьми он сказал им: «Мое графство похоронено 1 марта», следует думать, что и в его тихой душе таились честолюбивые мечты. Их надломила репутация его жены и окончательно сломило убийство Императора, который за долгое время его службы привык видеть и ценить в нем слугу преданного и честного»²⁷.

24 ноября 1894 года скончался Владимир Дмитриевич Философов.

Он умирал в долгих мучениях, от рака печени.

В. Д. Философов был похоронен в ноябре 1894 года в фамильном склепе в Бежаницах / Псковская энциклопедия. Псков, 2003/.

Спустя 3 года в 1897 году на средства А.П. Философовой в Бежаницах была открыта народная библиотека-читальня имени действительного тайного советника Владимира Дмитриевича Философова.²⁸

1. Тьркова А.В. Памяти А.П. Философовой. Уг., 1915. Т. I. «А.П. Философова и её время». С. 16.

2. Там же. С. 19.

3. Там же. С. 37.

4. Там же. С. 38.

5. Там же. С. 38.

6. Там же. С. 39.

7. Там же. С. 39.

8. Там же. С. 40.

9. Там же. С. 43.

10. Там же. С. 43.

11. Там же. С. 57.

12. Там же. С. 57.
13. Там же. С. 61.
14. Там же. С. 63.
15. Там же. С. 66.
16. Там же. С. 72.
17. Там же. С. 85.
18. Там же. С. 85.
19. Там же. С. 124.
20. Там же. С. 145.
21. Там же. С. 146.
22. Там же. С. 198.
23. Там же. С. 199.
24. Там же. С. 200.
25. Там же. С. 235.
26. Там же. С. 237.
27. Там же. С. 334.
28. Там же. С. 356.
29. Вестник Псковского Губернского земства. 1898, №7, С. 41.

*В.В. Булдакова,
пос. Бежаницы*

ФИЛОСОФОВЫ И БЕЖАНИЦЫ

Род Философовых — один из древнейших дворянских родов России. Имение Философовых на Псковщине — Богдановское известно со времен императора Петра I.

В этом роду было немало заслуженных перед Россией людей — государственных деятелей, дипломатов, военных, литераторов.

Известно, что помещик Николай Дмитриевич Философов (коллежский ассессор) вблизи своего имения в погосте Бежаницы в 1793 году построил каменную церковь в византийском стиле (просуществовала до начала 50-х гг. XX столетия). В наследство своему единственному сыну Дмитрию Николай Дмитриевич оставил богатое имение Богдановское и великолепный парк в версальском стиле.

В 1834 г. Философов наследственно владел 842 мужскими и 888 женскими душами (впрочем, «богдановский феодал», как его называли соседи-помещики, точно не знал, сколько десятин зем-